UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00124051 4

Kostomarov, Nikolai Ivanovich
O znachenii kriticheskikh trudov Konstantina Aksakova po russkoi istorii

DK
38
.7
A38
K67
1861

Автографъ

О ЗНАЧЕНІИ КРИТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Н. КОСТОМАРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861

О ЗНАЧЕНІИ КРИТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

НАПИСАНО ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ НА АКТѢ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ 1861 ГОДУ, ИСПРАВЛЯЮЩИМЪ ДОЛЖНОСТЬ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ПО КАФЕДРѢ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Н. КОСТОМАРОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

На основаніи опредѣленія историко-филологическаго факультета печатать дозволяется, 13-го Марта 1861 года.

Деканъ *И. Срезневскій.*

DK
38
.7
A38 K69
1861

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

О ЗНАЧЕНІИ КРИТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ

КОНСТАНТИНА АКСАКОВА ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Русской литературѣ суждено неоднократно ощущать преждевременную потерю талантовъ и дѣятелей мысли и слова. Рано оставили свое поприще корифеи русскаго слова: Пушкинъ, Гоголь. Много надеждъ унесли съ собой въ могилу Лермонтовъ, Веневитиновъ и Кольцовъ. Прошедшій годъ не стало Константина Аксакова, одного изъ полезнѣйшихъ дѣятелей по русской исторіи и языкознанію. Я полагаю, не будетъ неумѣстнымъ почтить его свѣжую могилу, посвятивъ нѣсколько минутъ на воспоминаніе о немъ, чтобъ показать степень участія, которое онъ оказалъ въ наукѣ русской исторіи.

Константинъ Аксаковъ не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни большихъ изслѣдованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ; онъ по русской исторіи писалъ мало, но въ немногихъ его статьяхъ, разсѣянныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служить путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго. Этотъ писатель принадлежалъ къ той оригинальной школѣ, которая у насъ получила названіе сла-

вянофиловъ и въ свое время подвергалась ожесточеннымъ преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ. Вопросы, поставленные ею, вообще были такого рода, что касались непосредственно русской исторіи и могли уясниться только чрезъ основательное знаніе прошедшаго и уразумѣніе его смысла. Ея періодическій органъ — «Русская Бесѣда», при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ, заявилъ о необходимости русскаго воззрѣнія въ дѣлѣ науки. Мысль эта сдѣлалась предметомъ толковъ и возраженій; изъ нихъ бо́льшая часть не отличалась яснымъ сознаніемъ того, о чемъ идетъ рѣчь, да и самая сущность этой мысли была такова, что могла вполнѣ уясниться только тогда, когда бы облеклась въ дѣло; ибо только тогда могло выказаться требуемое русское воззрѣніе въ дѣлѣ науки, когда бы явились самобытныя произведенія, гдѣ бы оно невольно отразилось. Мысль славянофиловъ была и здравая, и справедливая, но она не подлежала толкованіямъ ни pro, ни contra прежде приложенія ея къ дѣлу. Аксаковъ былъ писатель, успѣвшій до нѣкоторой степени приложить ее къ наукѣ русской исторіи.

Раболѣпное поклоненіе европейскимъ теоріямъ, взглядамъ и образцамъ составляло сущность нашей образованности. Не смѣли ни думать, ни писать иначе, какъ намъ указывали на западѣ. Русская исторія подверглась той же участи. Мы по части нашей древней исторіи, шли по дорогѣ, проложенной въ ней Нѣмцами, приняли созданныя ими предвзятыя теоріи, не смѣя ихъ подвергнуть собственному анализу, подводили наше прошедшее подъ законы, извлеченные изъ изслѣдованій надъ жизнью западныхъ народовъ и мало обращали вниманія на своеобразность нашей народной жизни. Мы заключились въ сферѣ государственности, считая массы народныхъ поколѣній, пережившія столѣтія, не болѣе какъ матеріаломъ для выраженія государственныхъ началъ. Занятіе русской исторіей скорѣе обращалось на вопросы частные, археологическіе, спеціальные, а оставляло въ тѣни тѣ, которые прямо относились къ жизни, вели къ уразумѣнію прошедшаго въ его жизненномъ значеніи и отношеніи къ потомству. Такой взглядъ былъ естественъ послѣ того, какъ такъ-называемая петровская реформа оторвала государствен-

ную сторону національнаго нашего быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣднею, образованность, поставила стѣну между классами народа, и одну большую половину съ старою жизнью его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую же повела къ подражанію иноземщинѣ. Несправедливо однако нѣкоторые выражаются, что эта реформа и послѣдующее ея продолженіе лишили насъ народности; напротивъ, онѣ произвели у насъ двѣ народности: одна была старая, другая новая,—народность Евгенія Онѣгина. Онѣгинъ съ его легкимъ образованіемъ, въ которомъ онъ не сознаетъ другой необходимости кромѣ побужденія *казаться* образованнымъ для другихъ, со всѣми продуктами воспитанія — пустотою, тщеславіемъ, отсутствіемъ нравственныхъ убѣжденій и модною жестокостью, подъ которою тяготится его природный здравый умъ и природное доброе сердце, есть олицетвореніе русской жизни образованнаго круга, выраженіе нравственныхъ послѣдствій вліянія спасительной реформы и занятія на-прокатъ иностраннаго просвѣщенія. Въ личности Онѣгина совмѣщается половина русской народности, отрѣзанная отъ другой; черты этого типа — черты нашего общества, нашего умственнаго прогресса, нашей науки. За этой половиной русской народности, народностью Е. Онѣгина, существуетъ другая — народность подавленной заброшенной массы, народность старой Руси, гдѣ переплелись между собою обломки стараго удѣльно-вѣчеваго міра съ сокрушившею его московскою стихіею, гдѣ проницательный взоръ наблюдателя отыщетъ еще не вполнѣ стертыя противурѣчія произвола личности новгородской свободы съ безличностью эпохи Іоанна Грознаго, гдѣ многовѣковая допетровская исторія напечатлѣлась въ народномъ бытѣ, нравахъ и народномъ характерѣ — отъ языческихъ славянскихъ празднествъ до дьяковъ Алексѣя Михайловича и стрѣльцовъ двуцарствія. Старая народность наша не такъ счастлива какъ новая: наша литература не представила еще такого типа, въ которомъ бы она отразилась съ такою же точностью, съ такою осязательностью, какъ новая въ Онѣгинѣ.

Несправедливо было бы сказать, чтобъ между двумя русскими народностями не было связи; какъ во всемъ есть не-

реходное состояніе, такъ и между этими двумя русскими народностями есть свои сближенія, есть свое среднее: старая наша народность часто хочетъ освоиться съ новою, какъ равно и подъ щегольскимъ фракомъ Е. Онѣгина не задушены вшедшія въ плоть и кровь предковскія привычки.

Извѣстно, до чего доживается наконецъ Евгеній Онѣгинъ. Убійственная тоска, доходящая почти до сумасшествія, снѣдаетъ его; еще юный, здоровый, полный силъ, неудовлетворимой жажды дѣятельности, безъ сознанія путей, куда бы можно обратить эту дѣятельность, Онѣгинъ завидуетъ тульскому засѣдателю, страдающему параличемъ. Почти до такого же состоянія дошла и русская мысль, и съ нею русская наука. И хотѣла-было она обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили ей уважать то, что̀ сдѣлалось достояніемъ черни; да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда, презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными глазами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню.

А между тѣмъ иного исхода не представлялось. Попытки продолжались. Константинъ Аксаковъ шелъ по этому пути. Сначала, подъ вліяніемъ Гегелевой теоріи необходимости явленій, онъ смотрѣлъ на одну только сторону жизненнаго историческаго русскаго вопроса, и находилъ реформу Петра новымъ законнымъ образомъ русской исторіи и необходимымъ переходомъ отъ исключительной національности къ общечеловѣчности, отъ особности къ развитію единичности или личности. Въ этомъ взглядѣ, въ 1846 году высказанномъ въ Ломоносовѣ, сочиненіи замѣчательномъ по зрѣлой картинѣ развитія литературнаго языка, Аксаковъ еще не сказалъ ничего отличнаго отъ общаго уровня заказныхъ понятій объ этомъ вопросѣ. Скоро послѣ того любовь къ народу, которую онъ получилъ издѣтства, неудовлетворяемость философскою систематикою, повели его къ болѣе живому воззрѣнію. Онъ обращается къ народу, къ той части русской народности, которой было суждено прозябать подъ анаѳемой иноземнаго просвѣщенія, взиравшаго съ надменностію на сумракъ ея жизни изъ своего заимствованнаго свѣта.

Аксаковъ является защитникомъ русскаго народа. Въ трехъ критическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Московскомъ Сборникѣ, онъ нападаетъ на кн. Одоевскаго, у котораго въ одной повѣсти крестьянка, учившаяся въ Петербургѣ, выразилась, что въ селѣ у нея не знаютъ, какой рукой перекреститься, и потомъ эта крестьянка распространяетъ благочестіе въ своемъ селѣ. «Никакая въ свѣтѣ Настя, восклицаетъ Аксаковъ, никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать наряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ — его, силою воли прогнавшаго столькихъ враговъ иноплеменныхъ. Можно ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица, такъ не знать глубины и убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что̀ для Насти темный лѣсъ и гдѣ бы тысячу разъ она потерялась и пала бы, почувствовавъ и понявъ свое безсиліе, еслибъ къ счастію могла сколько-нибудь понять его... Къ-счастію, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизиться даже къ глубокой сторонѣ народа; это для нихъ непроницаемая тайна, запертое сокровище». Такимъ образомъ, здѣсь Аксаковъ заявляетъ смѣлую мысль, что просвѣщеніе изъ онѣгинской народности не можетъ дать нравственнаго воспитанія старой русской народности, и послѣдняя сама въ себѣ носитъ гораздо болѣе истинно нравственныхъ и благородныхъ началъ.

Еще рѣзче и примѣнительнѣе ко взгляду на исторію онъ высказываетъ то же чувство любви къ старой народности и негодованіе противъ оскорбленій ея, нападая на нѣкоторыя выраженія одного писателя, пользуясь этими выраженіями впрочемъ только для того, чтобъ высказать свой взглядъ. Восхваляя Петра Великаго, этотъ писатель выразился о стрѣльцахъ, что они соединяли въ своемъ звѣрскомъ брадатомъ лицѣ всѣ ужасы и всѣ пороки. Аксаковъ находитъ, что борода не имѣетъ въ себѣ ничего звѣрскаго. Аксаковъ нападаетъ на автора за приданіе пищали названія благороднаго оружія, въ противоположность дреколью, оружію крестьянскому, и напоминаетъ 1612 годъ, когда дреколье подымается за правое дѣло, а пищаль служила дѣлу ложному; негодуетъ за то, что этотъ

писатель назвалъ курныя крестьянскія избы дымными логовищами, указываетъ, что это зависитъ отъ бѣдности и нельзя класть упрекъ на народъ за его бѣдность, и наконецъ, по поводу общепринятой мысли, что Петръ по необходимости, долженъ былъ заимствовать просвѣщеніе съ запада, Аксаковъ говоритъ: «Если Петръ долженъ былъ искать началъ, то онъ долженъ былъ искать ихъ у себя, въ самомъ народѣ. Безъ зерна не выростишь дерева; безъ зерна можно сдѣлать только искусственное раскрашенное дерево, съ натыканными глиняными плодами и бумажными цвѣтами. Но въ русскомъ народѣ есть начала; Петръ великій приносилъ начала чуждыя, но народныя начала сохранились и до сихъ поръ въ простомъ русскомъ народѣ.»

Мы упоминаемъ объ этихъ мимолетныхъ выраженіяхъ именно потому, что они показываютъ, куда обратились чувство и мысль писателя. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ твердо на избранномъ пути. Онъ обратился къ простому народу, сталъ искать въ немъ началъ, чтобъ вносить ихъ и въ жизнь, и въ науку.

Не наше дѣло разбирать, что̀ Аксаковъ и вообще славянофилы внесли въ общій ходъ умственнаго нашего образованія. Мы остановимся только на томъ, что̀ съ такимъ направленіемъ сдѣлалъ Аксаковъ для русской исторіи.

Мы не думаемъ, чтобъ Аксаковъ взялъ что-нибудь для науки непосредственно отъ народа, такъ чтобы ему оставалось быть только передатчикомъ народнаго взгляда. Но это отреченіе отъ онѣгинской народности, это стремленіе оторваться отъ раболѣпнаго подражанія западнымъ теоріямъ, это наконецъ желаніе найти что-то лучшее, свѣжее, обновляющее въ старой народности, увлекая его наравнѣ съ другими славянофилами отчасти въ идеализмъ, дало однако просторъ самобытной мысли, отвязало ее отъ раболѣпной покорности авторитетамъ.

Съ такимъ побужденіемъ написана была напечатанная въ Московскомъ Сборникѣ 1852 г. статья «о древнемъ бытѣ у Славянъ и у Русскихъ въ особенности». Аксаковъ открываетъ намъ глаза, что мы въ наукѣ русской исторіи находимся въ рабской зависимости отъ взгляда Нѣмцевъ на

нашу исторію, что Нѣмцы, не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь; Русскіе не привыкли смотрѣть на исторію, изображать ее такъ, что въ ней русскаго ничего не видно, но при знакомствѣ съ большимъ количествомъ памятниковъ, возникло сознаніе недостаточности того, вошедшаго въ привычку отъ западныхъ учителей, политическаго взгляда, съ которымъ историкъ думаетъ, что задача исторіи будетъ выполнена, если онъ изобразитъ намъ однихъ князей да войны, да дипломатическіе переговоры и законы; пробудилась потребность обратиться къ народному быту, общественнымъ, внутреннимъ причинамъ народной жизни. Это желаніе высказалось у Соловьева, а между тѣмъ тотъ же историкъ сдѣлался послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ наукѣ ученіе о родовомъ бытѣ, и увлекъ за собою другихъ молодыхъ ученыхъ, и такимъ образомъ составилась еще одна отысканная Нѣмцами произвольная теорія, на которой созидаютъ всю науку исторіи, не обращая вниманія, что теорія эта не оправдывается дѣйствительно существующими въ народной жизни стихіями. Главною цѣлью его ученаго оружія — мнѣнія, высказанныя Соловьевымъ, Кавелинымъ и отчасти Аѳанасьевымъ и Калачовымъ. Критикъ указываетъ неточность двухъ первыхъ, недостаточность ихъ собственнаго яснаго представленія о предметѣ и открываетъ у нихъ противорѣчія и голословности. Дѣйствительно, Соловьевъ въ одномъ мѣстѣ смѣшиваетъ родъ съ семьею, говоря «семья или родъ»; въ другомъ говоритъ, что предки наши не знали семьи, а знали одинъ только родъ; признаетъ родоначальника верховнымъ правителемъ рода, не знающимъ надъ собою высшей власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія. Кавелинъ, признавая законы необходимости, общіе для всѣхъ народовъ въ извѣстные періоды ихъ развитія, на основаніи нѣкоторыхъ двусмысленныхъ выраженій въ древнихъ памятникахъ, въ сущности родоваго быта отыскиваетъ смыслъ нашей исторіи до самаго Петра великаго. Неясность сознанія о значеніи предмета выказывается изъ важнаго противорѣчія у обоихъ: Соловьевъ го-

воритъ, что при родовомъ бытѣ семья не имѣла собственности, а Кавелинъ, напротивъ, говоритъ, что собственность принадлежала семьѣ. Аксаковъ признаетъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ существованіе положеній, черезъ которыя переходятъ всѣ народы въ своемъ развитіи, и такимъ образомъ допускаетъ, что родовой бытъ дѣйствительно былъ первою общественною ступенью, чрезъ которую проходили всѣ народы, и въ томъ числѣ славянскіе; но каждый народъ выражалъ свою жизнь въ извѣстныхъ положеніяхъ сообразно своей натурѣ, обусловливаемой и предъидущею и настоящею его судьбою, и мѣстностью и обстоятельствами. «Одни, говоритъ Аксаковъ, прошли черезъ него не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ бо̀льшими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками.» Мысль здравая, и не смотря на свою простоту, очевидность и давноизвѣстность, не всегда цѣнимая учеными, когда они охотно прибѣгаютъ къ аналогіямъ, за неимѣніемъ или неясностью прямыхъ указаній, и думаютъ достигать своей цѣли, коль скоро выводы, добытые аналогіей, кажутся имъ не противорѣчащими общимъ человѣческимъ законамъ, и слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, неизбѣжными. Аксаковъ признаетъ, что родовой бытъ конечно коснулся и Славянъ, однако не считаетъ этого племени въ числѣ тѣхъ, которые развили въ своей жизни родовой бытъ и формулировали его для дальнѣйшей своей исторіи. Когда нужно теорію общечеловѣческихъ законовъ прилагать къ исторіи какого-нибудь народа, то не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эти законы могутъ выражаться многообразными способами, и какими способами они приложились къ народной жизни въ тотъ или другой вѣкъ — этого не покажутъ никакія аналогіи; это можетъ открыть только изученіе фактовъ и наблюденіе надъ ними въ подробностяхъ.

Главнымъ образомъ вся эта произвольная теорія родоваго быта основана на двухъ мѣстахъ памятниковъ, понятыхъ произвольно. На основаніи предвзятаго ихъ толкованія, начали подводить подъ созданную теорію мѣста изъ другихъ источниковъ и объяснять ихъ значеніемъ родоваго быта. Эти

коренныя мѣста — 1) изъ суда Любуши, 2) изъ приписываемой Нестору лѣтописи. Аксаковъ очевидно доказалъ, что въ этихъ именно мѣстахъ является совершенно противное. Дѣло въ томъ, что предъ судъ Любуши являются два брата, спорящіе о наслѣдствѣ послѣ отца. Вопросъ въ томъ, раздѣлиться ли имъ, или владѣть съ-обща. Любуша предлагаетъ это дѣло на обсужденіе сейму, напоминаетъ, что, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, братьямъ слѣдуетъ или пребывать вмѣстѣ, или раздѣлиться. Сеймъ рѣшаетъ, что имъ слѣдуетъ владѣть отцовскимъ имѣніемъ съ-обща. Одинъ изъ братьевъ высказываетъ свое неудовольствіе такимъ рѣшеніемъ. На этомъ-то мѣстѣ основывали, что у древнихъ Славянъ существовалъ родовой бытъ. Но во-первыхъ, вопросъ завязывается только между двумя братьями, слѣдовательно вращается въ кругѣ семейнаго, а не родоваго быта, (какъ его понимали въ видѣ развѣтвленія и вмѣстѣ совокупности семей), во-вторыхъ, по вопросу о томъ: владѣть ли братьямъ съ-обща или раздѣлиться, слова Любуши относятъ къ закону вѣкожизненныхъ боговъ и тотъ и другой способъ разрѣшенія; въ третьихъ, недовольство одного изъ братьевъ Кленовичей показываетъ, что въ понятіяхъ у Славянъ не было не только родоваго, но и обязательнаго семейнаго единства, поглощающаго свободу личнаго права. Все, что можно вывести изъ этого мѣста, есть то, что въ древности существовалъ обычай—по смерти отцовъ—дѣтямъ и владѣть съ-обща, и дѣлиться; что по этому предмету возникали споры, которые рѣшались вовсе не родовымъ, а гражданскимъ вѣчевымъ порядкомъ. Другое мѣсто въ пользу родоваго быта — въ нашей лѣтописи, столь же мало подтверждаетъ спорную теорію. Это мѣсто: «Поляномъ живущимъ особо и владѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Аксаковъ указываетъ, что выраженіе «живущимъ особо» относится прямо къ послѣдующему выраженію: «иже и до сее братьѣ бяху Поляне», и сопоставляя его съ подобнымъ выраженіемъ другаго мѣста, гдѣ говорится: «Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода словенска и нарекошася Поляне», указываетъ,

что въ первомъ мѣстѣ, какъ и во второмъ, то̀ значеніе, что Поляне и прежде были Поляне, особо отъ другихъ племенъ. Что̀ касается до слова «родъ», то Аксаковъ справедливо признаетъ здѣсь это слово въ значеніи семьи и указываетъ на значеніе его въ смыслѣ семьи въ малорусскомъ языкѣ до сихъ поръ. Но по нашему мнѣнію, выраженію «и на своихъ мѣстахъ владѣюще кождо родомъ своимъ», Аксаковъ слишкомъ затѣйливо даетъ тотъ смыслъ, что каждый жилъ вмѣстѣ съ своимъ родомъ, къ которому принадлежалъ. Здѣсь смыслъ гораздо проще: каждый владѣлъ или управлялъ семьею своею разумѣя подъ *каждымъ* отца семейства, что̀ совершенно совпадаетъ съ народными понятіями. Очень остроумно и мѣтко указываетъ критикъ на выраженіе, котораго какъ будто не замѣчали приверженцы родоваго быта у того же лѣтописца, и по поводу того же предмета: именно о Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, трехъ братьяхъ, начальникахъ Полянъ, говорится, что они жили отдѣльно и держали родъ свой. Коль скоро братья жили отдѣльно и у каждаго былъ свой родъ, то здѣсь во первыхъ очевидно, что лѣтописецъ кіевскій употреблялъ слово «родъ» именно въ смыслѣ семьи, что̀ и теперь это слово означаетъ по южнорусски; а во вторыхъ, что ихъ способъ помѣщенія отдѣльно семьями указываетъ на отсутствіе такого родоваго быта, который произвольно создаютъ его поборники. Аксаковъ очень кстати припомнилъ, что слово «двоюродный», даваемое сыну дяди, явно указываетъ, что родъ означалъ въ древности семью, и показываетъ напротивъ неразвитость родовыхъ понятій.

Подтвержденіемъ его мысли, опровергающей родовую теорію служитъ также и Русская правда, гдѣ право мести ограничивается, послѣ отца, только сыновьями братьями и племянниками, а еслибъ небыло такихъ близкихъ родственниковъ, то и мстить было некому: это никакъ ни сходится съ развитымъ родовымъ бытомъ; равнымъ образомъ статьи о наслѣдствѣ послѣ боярина и смерда имѣютъ въ виду только близкихъ семейныхъ, а не отдаленныхъ. Да и вообще въ нашемъ памятникѣ древнихъ юридическихъ понятій нѣтъ ничего, указывающаго на существованіе родоваго быта. Слово родъ, по мнѣнію Аксакова, у насъ имѣлъ два значенія—

семьи и происхожденія или предковъ и потомковъ по восходящей и нисходящей линіи. Не разсмотрѣвши вполнѣ значенія того слова, приверженцы родоваго быта вслѣдъ за Эверсомъ, создали себѣ произвольное понятіе, начертили картину родоваго быта и построиваютъ на немъ всю русскую исторію.

Опровергая родовую теорію, Аксаковъ отыскиваетъ другое основаніе нашего древняго быта—общинное или вѣчевое. Древнія свидѣтельства о Славянахъ Прокопія и Маврикія, насильственно подогнанныя подъ теорію родоваго быта, получаютъ свое прямое значеніе. Во всей древней русской исторіи, отъ призванія первыхъ князей до паденія вѣчеваго порядка, видно это устройство. Его очевидность подтверждается множествомъ примѣровъ, не смотря на скудость нашихъ лѣтописей, упускающихъ изъ виду внутреннюю сторону исторіи и занятыхъ болѣе внѣшними событіями. Аксаковъ указываетъ на важное значеніе земли въ собирательномъ смыслѣ союза городовъ и селъ, связанныхъ народною одноплеменностью, и представляетъ въ примѣръ ранняго о томъ понятія дѣла Ольги съ Древлянами, гдѣ Древляне дѣйствуютъ всею деревьскою землею. Такимъ образомъ Аксаковъ въ своей статьѣ не только разсѣеваетъ произвольно созданную теорію, грозившую обнять и заковать всѣ послѣдующія событія русской исторіи и тѣмъ самымъ освѣтить ее фальшивымъ, ей несвойственнымъ блескомъ, но и наводитъ дальнѣйшихъ изслѣдователей на истинный путь. Мы не станемъ излагать здѣсь всѣхъ примѣровъ существовавшаго издревле общинно-вѣчеваго начала, приводимыхъ Аксаковымъ: эти примѣры большею частью извѣстны въ настоящее время всякому, занимающемуся русской исторіей; они очень выпукло стоятъ въ ряду историческихъ событій, а между тѣмъ прежніе изслѣдователи и повѣствователи оставляли ихъ болѣе или менѣе въ тѣни, какъ незамѣчательныя и второстепенныя частности. Подробное разсмотрѣніе ихъ, приложеніе къ теченію исторіи и окончательные выводы могутъ быть достояніемъ цѣлостнаго изложенія исторіи, но Аксакову безспорно принадлежитъ честь поставки на первый планъ этой стороны древней нашей жизни. Справедливо кончаетъ онъ свою статью такими многозначительными словами: «Русская земля

была изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля».

Но такъ какъ никакая теорія, какъ бы она произвольна ни была, не обходится безъ части истины, такъ и въ поднятомъ ученіи о родовомъ бытѣ остается своя доля исторической правды. Самъ Аксаковъ долженъ былъ сознаться, что если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ рюриковомъ, призванномъ, нетуземномъ. Чтобъ чѣмъ-нибудь согласить съ своимъ взглядомъ это обстоятельство, очень благопріятствующее Соловьеву и Кавелину, Аксаковъ приписываетъ его чужеземному вліянію, и присоединяетъ къ этому другое подобное явленіе — мѣстничество, которое занято было у дружины и тоже занесено извнѣ, а земля или народъ не принимала въ обоихъ явленіяхъ никакого участія. Здѣсь мнѣніе Аксакова почти столько же натянуто и произвольно, какъ и система его противниковъ. Во-первыхъ, если князья были чужеземцы, то ихъ призвали Славяне, и призвали трехъ, а не одного князя, и съ тѣхъ поръ свободно образовалось понятіе о правѣ рюрикова рода на владѣніе: и такъ, слѣдовательно, у Славянъ было уже готовое понятіе о превосходствѣ родовъ. Во вторыхъ, мы видимъ, что фамилія Рюриковичей скоро ославянилась, приняла туземную народность, и все-таки удерживала свое родовое значеніе. Что̀ касается до мѣстничества, то напрасно говоритъ Аксаковъ, что въ народѣ не было о немъ идеи. Вотъ хоть бы напр. взять Горе-Злосчастіе, гдѣ на пиру есть мѣста и большія, и среднія, и меньшія, и пришедшаго гостя сажаютъ *по отчеству*, а когда замѣчаютъ, что онъ тоскуетъ, то говорятъ ему: «или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей». Между посадскими и крестьянами мы видимъ раздѣленіе на «лучшихъ, среднихъ и меньшихъ». Самый обычай называть по отчеству указываетъ на уваженіе къ роду, къ происхожденію. Дѣло въ томъ, что такого родового быта, какой себѣ вообразили было—съ родоначальниками, съ строгимъ развѣтвленіемъ и самозаключенностью, съ деспотической властью патріарховъ, у насъ не было; но издавна существовало уваженіе къ происхожденію, которое поддерживалось или ослаблялось состояніемъ, счастіемъ и умѣньемъ удержаться въ

значеніи членовъ рода. Самый княжескій родъ лучше всего показываетъ, до чего доходили эти понятія. Мы видимъ сознаніе правъ княжескаго рода; изъ этого рода лица должны быть правителями въ русскихъ земляхъ, но, съ другой стороны, не видимъ личной зависимости младшихъ отъ старшихъ, ни общей собственности между князьями. Каждый князь самъ по себѣ свободный человѣкъ. Притомъ, очевидно, ихъ единство связывается не внутреннимъ сознаніемъ родовой чести, а положеніемъ въ отношеніи страны. Русская земля составляетъ федерацію земель. Еще въ IX вѣкѣ, какъ показываетъ намъ лѣтопись, необходимость отбоя Норманновъ вынудила нѣсколькихъ изъ народцевъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, соединиться; чтобъ удержать эту связь, возникшую вслѣдствіе чужеплеменнаго натиска, народы нашли способъ призвать къ себѣ особый родъ, такой родъ, который былъ бы непричастенъ мѣстнымъ интересамъ. Это понятіе, самое простое и естественное, у насъ безпрестанно выражалось формою третейскаго суда. Призванный родъ послужилъ звеномъ соединенія земель. У народовъ не было ни малѣйшаго понятія о централизованномъ государствѣ. Они понимали только союзъ земель. Слѣдовательно, ничего не могло быть естественнѣе Ярославу, у котораго было нѣсколько сыновей, разселить ихъ по землямъ. Связь между правителями земель должна была оставаться, по мѣрѣ того какъ оставалась связь самыхъ земель между собою. Понятно, что черниговскій князь чувствовалъ родовое единство съ смоленскимъ или рязанскимъ, когда и черниговская земля сознавала съ землею смоленскою или рязанскою свое союзное единство: Но было ли то же въ народѣ? Сознавали ли также фамиліи некняжескія свои родовыя связи, въ далекихъ развѣтвленіяхъ? На это можно отвѣчать съ вѣроятностью: сознавали, на сколько обстоятельства этому благопріятствовали. Понятіе о чести происхожденія есть общечеловѣческое понятіе, также какъ и понятіе о превосходствѣ однихъ предъ другими по обстоятельствамъ. И то и другое можетъ принимать разныя формы. Идея мѣстничества въ своемъ обширномъ значеніи есть не что̀ иное, какъ право одного пользоваться честью выше другаго. Этому общечеловѣческому по-

нятію способствуютъ личныя достоинства, богатство и происхожденіе. Умный человѣкъ, богатый человѣкъ уважались; уважался и сынъ умнаго и богатаго человѣка, и ему давалось мѣсто по отчеству, и прежде чѣмъ онъ самъ заслуживалъ личное уваженіе, ему открытъ былъ путь по происхожденію. Но какъ могло соединяться съ этимъ общеловѣческимъ, естественнымъ признаніемъ правъ на уваженіе—развѣтвленіе родства, это зависѣло отъ обстоятельствъ. Скудость нашего языка въ родовыхъ названіяхъ, указанная Аксаковымъ, древніе памятники, ограничивающіе родство тѣснымъ кругомъ семьи, показываютъ, что въ древности связь подобныхъ семей терялась; но православіе, внесши къ намъ съ одной стороны готовыя степени родства, съ другой византійскія понятія о благородствѣ, необходимо расширяло семейныя связи и развивало у насъ аристократическіе начатки. Общечеловѣческое уваженіе къ происхожденію получило здѣсь свою санкцію. Мы видимъ, что въ Новгородѣ, землѣ, въ которой никакъ нельзя отрицать существованіе самыхъ широкихъ демократическихъ началъ, происхожденіе пользовалось уваженіемъ. Сыновья посадниковъ носили какъ-бы сословное прозвище дѣтей посадничьихъ; память заслугъ или знатности предковъ служила честью дѣтямъ и потомкамъ. Это существовало въ логической параллели съ противнымъ обычаемъ—за преступленія отцовъ брать на потокъ и разграбленіе ихъ семейства. Въ московской землѣ тѣ же начала получили болѣе прочное приложеніе; когда тамъ образовался монархическій укладъ и сталъ подавлять вѣчевой, тогда около великихъ князей сгруппировались фамиліи и стали *тянуть* къ нимъ службою; служба великому князю сдѣлалась признакомъ отличія заслугъ. Тогда къ понятію о службѣ государю примкнули старыя понятія о чести происхожденія, и конечно стали опредѣленнѣе, прочнѣе, осязательнѣе, легальнѣе, какъ вообще всѣ общественныя понятія стали тогда выражаться въ учрежденіяхъ и обозначаться болѣе рѣзкими чертами. Но собственно они носили болѣе семейный, чѣмъ родовой характеръ: человѣкъ гордился происхожденіемъ по отцу, могъ поставлять себѣ въ честь и заслугу дѣла предковъ, но все-таки по отноше-

нію прямаго происхожденія родителей; нигдѣ мы не видимъ чести родовой въ опредѣленномъ смыслѣ слова, т. е. когда бы говорилось не о прямомъ происхожденіи, а о принадлежности къ группѣ, связанной родовымъ союзомъ. Такъ возникло мѣстничество: эта форма выражала тогдашнюю степень развитія старинныхъ понятій о благородствѣ происхожденія въ приложеніи къ службѣ царю.

Въ своемъ разборѣ VI тома Исторіи Соловьева (Русск. Бес. 1856, IV) Аксаковъ дополняетъ свои прежнія доказательства противъ родоваго быта новыми указаніями на обстоятельства, въ которыхъ Соловьевъ видѣлъ продолженіе родоваго быта. Послѣдній находилъ присутствіе родоваго быта въ томъ, что русскій бояринъ прибавлялъ къ своему имени имя отца, дѣда и прадѣда. Аксаковъ справедливо замѣтилъ, что именно этотъ способъ фамильныхъ прозвищъ указываетъ на господство семейнаго, а не родоваго начала, и что если бъ существовало послѣднее, то бояринъ прибавлялъ бы къ своему имени прозвище рода, а не прямыхъ предковъ. Аксаковъ съ своимъ своенароднымъ взглядомъ подмѣтилъ вѣрно, что и теперь у простонародья называются прозвищами отцовъ и дѣдовъ, и такимъ образомъ въ одномъ и томъ же непосредственномъ поколѣніи прозвища измѣнялись. Точно также и встарину не было фамильныхъ родовыхъ прозвищъ, были семейныя; имя дѣда удерживалось для внуковъ и уступало другому прозвищу, имени новаго дѣда, чрезъ поколѣніе. «Такъ Романовы, говоритъ онъ, прежде, во время Іоанна назывались Захарьевыми, по имени дѣда, а потомъ черезъ поколѣніе назывались Романовыми, по имени Романа, внука Захарія, и въ свою очередь дѣда знаменитаго Ѳеодора (Филарета) Никитича.

Вообще эта рецензія Аксакова изобильна своеобразными взглядами на многія стороны и вопросы русской исторіи. Здѣсь, въ короткомъ очеркѣ, Аксаковъ излагаетъ свою систему русской исторіи. Со многимъ надобно намъ согласиться, другое кажется невѣрнымъ. По мнѣнію его, во времена удѣльныя вся Россія была единая, и не представляла не только отдѣльныхъ государствъ, но даже и федеративнаго союза. Княжескія дѣленія владѣній, постройки

государственныхъ перегородокъ совершались безъ участія земли или народа. Народъ управлялся по себѣ, своимъ вѣчевымъ порядкомъ и вмѣшивался въ княжескую борьбу только въ крайнихъ случаяхъ, когда или удалялъ князя, который вредилъ его матеріальному благосостоянію, или вооружался за любимаго князя по особенному сочувствію къ его личности. Князей окружала дружина. Дружина была стихіею, чуждою народу. Съ татарскаго завоеванія князья, присмотрѣвшись въ ордѣ на государственную цѣльность власти въ лицѣ хана, стали стремиться къ установленію государственнаго порядка каждый въ своемъ княжествѣ, хотѣли усилить свое могущество на счетъ своихъ сосѣдей. Но Москва подняла знамя всей Руси—уже не знамя Москвы, но Руси и въ земскомъ и въ государственномъ значеніи. Здѣсь, въ первый разъ сознаваемое издавна единство земли сочетается съ стремленіемъ къ единству государства. Такимъ образомъ, возвышеніе Москвы представляется дѣломъ вполнѣ общенароднымъ, общерусскимъ; и потому-то невозможно было бороться князьямъ противъ московской власти, ибо это значило бороться противъ всего русскаго народа. Когда, такимъ образомъ, сформировалось русское государство, дружина окружила престолъ. Дружина прежде ограничивала князя; князь обязанъ былъ съ нею совѣтоваться. Но дружина была всегда чужда народа, и теперь стала вредна какъ для царя, такъ и для народа—и вотъ Иванъ IV сокрушаетъ дружину, а народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи.

Въ этомъ взглядѣ на исторію, начатую отъ призванія Варяговъ и доведенную до Ивана Грознаго, есть доля правды, но сильно закрытая туманомъ идеализма. Чутье Аксакова ощущаетъ раздвоеніе власти и народа съ начала русской исторіи, но, по нашему разумѣнію, попадаетъ не туда, гдѣ оно въ самомъ дѣлѣ находится. Главная ошибка его та, что онъ передалъ первоначальному единству русской земли болѣе, чѣмъ сколько его было на самомъ дѣлѣ. При элементахъ единства были элементы самобытности земель, а ихъ-то не хочетъ знать Аксаковъ. Между тѣмъ, допустивъ ихъ (а ихъ не допустить нельзя, когда послѣ столькихъ вѣковъ соединенія, этнографическія особенности отличаютъ до сихъ поръ мѣст-

ности и населеніе прежнихъ земель), мы поймемъ, что удѣльные дѣлежи и междоусобія, если иногда и происходили изъ родовыхъ отношеній и представляются чуждыми народнымъ побужденіямъ, то, съ другой стороны, очень часто сходятся съ ними во едино, и народъ былъ вовсе не такъ чуждъ княжескихъ притязаній; но часто самыя эти притязанія были только наружнымъ явленіемъ народныхъ побужденій, такъ-что князья были орудіями партій, проводившихъ то или другое дѣло народа или его части. Такимъ образомъ, хотя справедливо, что за предѣлами княжескихъ отношеній была другая жизнь, земская, намъ мало извѣстная, но эта жизнь не отдѣлялись китайскою стѣною отъ князей и ихъ дружинъ, какъ воображалъ Аксаковъ. Точно также хотя и справедливо, что дружина, какъ толпа, окружавшая князей, составляла нѣчто отличное отъ массы народа, но вовсе не до такой степени ей чуждое. Дружина эта набиралась изъ того же народа и входила туда же. Аксаковъ идеализировалъ дѣйствительность, и провелъ точныя раздѣлительныя черты тамъ, гдѣ ихъ не было, какъ и вообще во всемъ въ русской жизни господствовала неопредѣленность, недостаточность разграниченія. Еще менѣе точно то, что̀ высказано имъ о значеніи Москвы. Степень сознанія единства русской земли въ явленіи московскаго государства не уничтожила однако сознанія самобытности земель, и русскія земли вовсе не такъ легко и добровольно отдавались подъ власть московскую. Да и не такъ добродушно, народолюбиво, московскіе государи совершали подчиненіе земель. Довольно будетъ указать на Новгородъ. Опора въ татарскихъ ханахъ, владыкахъ русскаго міра, покровительство со стороны митрополита, первопрестольника русской церкви, и болѣе всего ловкая, коварная политика, умѣвшая пользоваться обстоятельствами и вооружать однихъ противъ другихъ, пособляли московскимъ князьямъ болѣе, чѣмъ народное желаніе государственнаго единства. Душегубства Ивановы нельзя объяснять борьбою съ какою-то дружиною; какую же дружину перетопилъ онъ въ Новгородѣ? какую дружину травилъ медвѣдями на Москвѣ-рѣкѣ? Да не скорѣе ли онъ является врагомъ земщины, покровителемъ дружины въ

опричнинѣ? Аксаковъ, кажется, не замѣчаетъ, что всякая попытка найти въ Иванѣ какую-нибудь олицетворенную идею всеобщей потребности времени напрасна, послѣ того превосходнаго уразумѣнія характера этого замѣчательнаго историческаго лица, какое показалъ самъ Аксаковъ въ своей характеристикѣ его:

«Іоаннъ IV былъ природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отчего и въ исторіи, и въ частной жизни встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, напримѣръ плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, а въ тоже время мучитъ и терзаетъ ближняго: и онъ не обманываетъ, эти слезы не притворны, но онъ тронутъ какъ художникъ, съ художественной стороны, а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную сторону добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно-хорошо, и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно, ибо тотъ, кто не понимаетъ его и не чувствуетъ, но можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же кто чувствуетъ добро, но только художественно, или наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ, тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ

въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство, отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думаютъ. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является лишь какъ картина безъ своей истины и существенности.

Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. Напримѣръ, что̀ можетъ быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастныя жертвы Іоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина «Кромѣшникъ»: поэтъ представляетъ его не въ томъ свѣтѣ, но какъ-бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

Въ Іоаннѣ была художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей — и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестнымъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ губящій народы.... и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны—картины царскаго смиренія, и увлеченный ею, онъ обращалъ и себя, и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!»

Этимъ мастерскимъ очеркомъ Иванова характера, составленнымъ съ такимъ глубокимъ психологическимъ взглядомъ на человѣческую натуру, Аксаковъ подписалъ приговоръ всѣмъ возможнѣйшимъ попыткамъ отыскать у Ивана какія-либо опредѣленныя идеи, какія-нибудь преднамѣрен-

ныя, неизбѣжныя цѣли; Иванъ понятъ какъ нельзя болѣе, и первая честь этого принадлежитъ Аксакову. Иванъ—художественная натура, какихъ дѣйствительно на свѣтѣ много и которыя бываютъ почти всегда очень неглупые люди; при нашихъ условіяхъ общества, родившись въ кругу обыкновенныхъ смертныхъ, они поступаютъ въ одинъ изъ многочисленныхъ разрядовъ обширной массы пустыхъ людей. Они плачутъ въ театрѣ отъ трагической сцены, съ ужасомъ содрогаются при видѣ человѣческаго страданія, но рѣдко способны облегчать человѣческое страданіе и легко могутъ сдѣлаться сами причиною его; они умиляются благочестіемъ надъ плащаницею въ великую субботу и готовы кощунствовать надъ религіею на ѳоминой недѣлѣ; они высокопарно проповѣдуютъ объ общемъ благѣ, о народномъ воспитаніи, о равенствѣ и свободѣ, но не сдѣлаютъ въ пользу всего этого шагу, который бы стоилъ какого-нибудь сознательнаго пожертвованія съ ихъ стороны, потому что и не въ силахъ дѣйствительно почувствовать и сознать того, о чемъ говорятъ; они идеально влюбляются и проводятъ безсонныя ночи въ томительныхъ грезахъ о своихъ красавицахъ, но обыкновенно бываютъ самыми дурными мужьями и отцами; они всего болѣе кажутся способными увлекаться изящнымъ и любить искусство: ахаютъ въ картинныхъ галлереяхъ, приходятъ въ неистовый восторгъ отъ музыки, съ жаромъ превозносятъ красоты произведеній поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ никогда не могутъ вполнѣ постигать сущности искусства, лежащей въ его явленіяхъ. Когда эти люди не одарены властью, они безвредны на-столько, на-сколько пустота можетъ быть безвредною, но коль-скоро судьба поставитъ ихъ на какую-нибудь степень вліянія на другихъ—горе послѣднимъ!

Таковъ былъ и Иванъ Грозный, сколько можно видѣть изъ современныхъ памятниковъ. Народъ не былъ отягощенъ и пользовался правомъ самоуправленія. Художественныя натуры, имѣя власть, не могутъ быть строги и тяжелы; правда, онѣ очень любятъ созидать теоріи, предначертывать планы и устроивать порядки, но за то онѣ довольно лѣнивы для того, чтобъ долгое время дѣйствовать по одному

плану. Привычка созидать образы и тѣшить себя ими развиваетъ умственную и тѣлесную лѣнь; притомъ, у художественныхъ натуръ недостаетъ практическаго разсудка, когда придется работать по-мелочамъ. У нихъ воображеніе замѣняетъ все: и разсудокъ, и умъ, и волю, и чувство. Созданные образы носятся предъ ними; они тѣшатся ими; они понимаютъ смыслъ ихъ на сколько этотъ смыслъ выражается въ образахъ, но отвлекаемая отъ образа мысль дѣлается для нихъ чуждою. Они не знаютъ цѣны истинѣ и не могутъ любить ее, хотя всегда готовы ее прославлять и восхищаться ею. Они всегда лгутъ, но никогда намѣренно не обманываютъ; лгутъ безъ заднихъ цѣлей, единственно потому, что безпрестанное созиданіе образовъ пріучаетъ ихъ ко лжи. Они не способны никого и ничего любить, хотя и кажутся проникнутыми любовью. Они не эгоисты въ точномъ значеніи этого слова: они не соразмѣряютъ своихъ дѣйствій такъ, чтобы все клонилось къ ихъ пользѣ, да и о пользѣ своей собственно они рѣдко заботятся; они всѣ преданы своимъ образамъ, живутъ исключительно для нихъ однихъ. Они легко могутъ незлонамѣренно ввести въ заблужденіе другихъ и показаться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что они неглупы, красно и съ чувствомъ говорятъ, готовы даже на дѣло, пока образъ ихъ увлекаетъ, и потому другіе могутъ принять въ нихъ за дѣйствительность то, что̀ въ самомъ дѣлѣ только призрачно. Вообще такія натуры всего болѣе обманчивы. Такъ точно и Иванъ Грозный могъ быть загадкою для историковъ и былъ до тѣхъ поръ, пока Константинъ Аксаковъ не указалъ намъ его существа въ настоящемъ свѣтѣ. Подобнымъ уразумѣніемъ личностей, которымъ суждено было поставить свой произволъ закономъ надъ массами, можетъ объяснится многое въ исторіи и получить совсѣмъ другой характеръ; окажется, что мы привыкли считать необходимымъ результатомъ предъидущихъ явленій то, что возникло только какъ плодъ настроенія какой нибудь личности.

Такимъ образомъ вѣрный взглядъ на характеръ Ивана Васильевича едва ли допуститъ видѣть въ земскомъ соборѣ исторически-необходимое сочетаніе мѣстныхъ вѣчъ во единое вѣче всей

русской земли. Если-бъ это было такъ, то, безъ сомнѣнія, такой земскій соборъ образовался бы ранѣе. По нашему мнѣнію, это явленіе таково, что оно могло также и не быть, но могло случиться и дѣйствительно случилось. Единственно, что̀ въ этомъ явленіи можетъ не принадлежать Ивану, это то, что̀ сложило въ его художественной головѣ такой образъ. Кажется, что его вызвала не какая-нибудь законная потребность въ исторіи народа, а аналогія съ духовными соборами; тогда же такой соборъ былъ созванъ и составлялъ явленіе, обычное изстари. Сколько извѣстно, до самой смутной эпохи, явленіе земскаго собора оставалось болѣе какою-то церемоніею, по образцу, какъ онъ вышелъ изъ воображенія художника-государя. Только послѣ потрясенія русскаго міра, когда необходимость дала этому образу дѣйствительное значеніе народной потребности, земскій соборъ сталъ чѣмъ-то дѣйствующимъ, получилъ сущность, но и то не надолго. Земскій соборъ былъ такое явленіе, безъ котораго русскій народъ оставался бы неизмѣнно тѣмъ же, чѣмъ былъ, и потому нельзя ставить его на одну доску съ вѣчами: Новгородъ и Псковъ перестали быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, когда сняли ихъ вѣчевые колокола.

Въ своемъ разборѣ Константинъ Аксаковъ коснулся вообще современнаго положенія литературы русской исторіи, и отдавая полную дань уваженія таланту и трудамъ г. Соловьева, въ то же время признаетъ его сочиненіе изслѣдованіемъ, а не исторіею, нимало не ставя ему этого въ вину, и полагаетъ, что въ настоящее время не пришла еще пора для исторіи. Аксаковъ и здѣсь послѣдовалъ своему обычному идеализму. Опредѣливъ исторію непосредственнымъ представленіемъ событій (народа, человѣчества) въ ихъ естественномъ ходѣ, въ ихъ дѣйствительной былевой современности и послѣдовательности, представленіемъ, освѣщеннымъ въ то же время мыслью, движущею эти событія, онъ не допускаетъ уже въ исторію изслѣдованій и думаетъ, что они должны составлять предметъ предварительныхъ работъ. Въ идеальномъ смыслѣ будетъ такъ, но не значитъ ли это, что намъ приходится ожидать отчетливыхъ и законченныхъ изслѣдованій по безчисленнымъ вопросамъ, входящимъ въ ис-

торію, и воздерживаться отъ стройнаго изложенія науки? Такъ строго судить едва ли возможно. Желая вполнѣ такой исторіи, какой хочетъ Аксаковъ, не лишними однако будутъ въ исторической литературѣ и послѣдовательныя изложенія событій которыя хотя бы и не удовлетворяли такому высокому идеалу, но совмѣщали бы въ себѣ все, на чемъ останавливалась наука въ своемъ безпредѣльномъ движеніи? Присутствіе изслѣдованій въ исторіи Соловьева нельзя вмѣнять ему въ недостатокъ, какъ равно и то, что онъ назвалъ свое сочиненіе исторіей, но дѣйствительно можно пожалѣть, что это достойное уваженія и въ высокой степени полезное сочиненіе талантливаго и ученаго профессора страдаетъ почти повсемѣстно чрезвычайно тяжелымъ изложеніемъ, и это важный его недостатокъ. Аксаковъ нъ разборѣ VII тома той же исторіи, указываетъ на непослѣдовательность частей, на несоразмѣрность ихъ въ описаніи. Онъ не одобряетъ сырыхъ выписокъ, приводимыхъ изъ актовъ, безъ критики ихъ самихъ, съ слабымъ систематическимъ подведеніемъ ихъ къ мысли, обвиняетъ г. Соловьева въ упущеніи нѣкоторыхъ важныхъ предметовъ, какъ напр. прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, и вообще въ недостаткѣ систематическаго изложенія. Замѣчанія эти на сочиненіе, которое при всей тяжеловатости своего изложенія, долго будетъ и должно имѣть читателей, конечно не останутся безъ пользы для развитія понятій, чего именно слѣдуетъ требовать отъ исторіи, но не совсѣмъ справедливы: напр. Соловьевъ *упоминаетъ* о прикрѣпленіи крестьянъ.

Въ этомъ разборѣ критикъ выставилъ на видъ одну важную черту русской исторіи. Г. Соловьевъ сдѣлалъ такой приговоръ русскому умственному движенію: «При отсутствіи просвѣщенія, младенчествующая мысль старинныхъ нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко внѣшнему болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни.» Далѣе г. Соловьевъ выставляетъ на первомъ планѣ разные споры о вопросахъ, относящихся до внѣшнихъ условій религіозности. Аксаковъ изъ этого видитъ, что Соловьевъ произноситъ приговоръ на старую Русь, и въ противность общеукорененному у насъ мнѣнію, будто рели-

гіозность у насъ не подымалась выше обрядной, наружной стороны, указываетъ на ереси, касавшіяся самыхъ существенныхъ вопросовъ христіанства, какъ напр. Башкина и Косаго, и раннія ереси: жидовствующую и ересь стригольниковъ. Обвиненіе на Соловьева въ этомъ случаѣ не совсѣмъ справедливо, ибо Соловьевъ не упустилъ изъ виду этихъ явленій, на которыя указываетъ Аксаковъ, и за что послѣдній его хочетъ укорить. Но тѣмъ не менѣе критикъ здѣсь обращаетъ вниманіе на то, что, дѣйствительно, хотя и было предметомъ научнаго изслѣдованія, однако всегда какъ нѣчто исключительное. Аксаковъ считаетъ эти явленія результатами общества. Дѣйствительно, въ настоящее время историческія явленія такого рода нуждаются въ бо̀льшемъ вниманіи, нежели какимъ до сихъ поръ они пользовались.

Въ заключеніе своего разбора Аксаковъ наводитъ читателей на любимую свою идею—двойственность земли и государства въ древнемъ русскомъ мірѣ и приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ, доказывающихъ, что въ русскомъ воззрѣніи существовало понятіе о такой двойственности. Такъ напр. бояре отвѣчаютъ польскому послу Гарабурдѣ, предложившему съѣздъ для постановленія вѣчнаго мира: «Это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землею, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею. На такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.» На новыя требованія о томъ же предметѣ послы такъ отвѣчали: «не мало времени нужно для совѣщанія со всею землею.» Аксаковъ еще приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ заключаетъ, что русскіе давали важное значеніе землѣ. Между прочимъ, когда одинъ изъ австрійскаго посольства объявилъ думному дьяку Щелкалову, что Максимиліанъ хочетъ добывать польскаго королевства, Щелкаловъ отвѣчалъ: «государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимиліанъ былъ на королевствѣ польскомъ, да вѣдь самъ знаешь, на государство силою какъ сѣсть? Надобно, чтобъ большіе люди, да и всею землею захотѣли и выбрали на королевство а только землею не захотятъ, и того государства трудно

доступать.» Указанія эти очень важны, хотя ни Аксаковъ и никто другой принадлежащій къ одной съ нимъ школѣ, не разъяснили степени той важности, какую имѣла въ рускихъ общественныхъ понятіяхъ эта идея земли въ отличіе отъ государства, въ московскій періодъ русской исторіи. Заслуга его здѣсь однако та, что онъ *поставилъ* вопросъ, заставилъ обратить вниманіе на то, что̀ прежде проскользало, какъ не значительная черта; но онъ бросаетъ на него такой свѣтъ, который едвали истекаетъ изъ истины. На ссылку Русскихъ, что такое великое дѣло, какъ вѣчный миръ, можетъ состоятся только по совѣту всей земли, Поляки отвѣчали: «у васъ въ обычаѣ ведется, что̀ сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ». Аксаковъ по этому поводу разсуждаетъ: «Понятно что Поляки, вдавшись въ государственныя аристократическія формы и подавивъ шляхтою простой народъ, не понимали уже славянскаго значенія земли и не понимали великой нравственной силы свободнаго общественнаго мнѣнія, силы всенароднаго совѣта, имѣвшаго лишь нравственное, совѣщательное значеніе». Здѣсь только доля правды, именно то, что въ Польшѣ одна только шляхта пользовалась политическими правами, а простой народъ былъ подавленъ; въ Россіи же было болѣе уравненія между высшими и низшими слоями общества; но шляхта и составляла въ Польшѣ свободный народъ, и все понятіе о землѣ переносилось на шляхту. Поляки не могли не понять слова Земля; они понимали и сознавали его полнѣе чѣмъ Русскіе. У Поляковъ это слово употреблялось всегда: мы встрѣчаемъ выраженія—podolska ziemia, mazowiecka ziemia и т. д. въ смыслѣ народа, составляющаго населеніе края, и въ смыслѣ его представителей, возвышающихъ голосъ за свой край. Но Поляки такъ возразили русскимъ посламъ потому что участіе земли въ дѣлахъ Россіи было въ глазахъ Поляковъ до того слабымъ, что казалось, будто его вовсе нѣтъ. Какъ могло статься, чтобъ поляки не поняли великой нравственной силы свободнаго общественнаго мнѣнія, и силы всенароднаго совѣта, а слѣдовательно важности земскаго собора, имѣющаго лишь нравственное, совѣщательное значеніе, когда въ это время у Поляковъ право высказывать обществен-

ное мнѣніе было безгранично свободно, и Поляки имѣли сеймъ, тотъ же земскій соборъ, съ нравственнымъ значеніемъ, да не только совѣщательнымъ, но и законодательнымъ? Справедливо, что кругъ тѣхъ, которые могли участвовать въ русскомъ земскомъ соборѣ, былъ шире, чѣмъ у Поляковъ, ибо на земскихъ соборахъ были и черные люди, но что̀ они тамъ дѣлали—вотъ въ чемъ вопросъ! Прежде чѣмъ восхищаться величіемъ, правотою и широтою земскихъ соборовъ, надлежало бы разсмотрѣть ихъ составъ и степень участія въ общемъ механизмѣ исторической жизни. Намъ кажется, что понятіе о землѣ, господствовавшее нѣкогда въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи, въ эпоху московскую, вмѣщало въ себѣ слабыя стихіи народной самодѣятельности. Артистическіе капризы Ивана Васильевича Грознаго, устроившіе земскіе соборы, нѣсколько воскресили почти угасшія искры старины, и онѣ было начали сверкать въ новыхъ сферахъ политической и общественной жизни, но не имѣли на столько внутренней силы, чтобъ возгорѣться по прежнему яркимъ пламенемъ. Не признавая за земскими соборами такой первостатейной важности, какую хочетъ имъ придать Аксаковъ, важность того, что̀ составляетъ сущность земли, остается неизмѣнною: эта сущность—народъ съ его нравами, преданіями, накопившимися въ теченіе вѣковъ, понятіями, выработанными прошлою и современною жизнью, вѣрованіями, надеждами, тревогами, прошедшимъ и настоящимъ горемъ, трудомъ, добродѣтелями, пороками. Вотъ эта-то земля, (или лучше сказать соединеніе земель русскихъ,) должна войти въ исторію русскую.

Аксаковъ оканчиваетъ разборъ VII тома слѣдующими словами: «Теперь, когда вышло уже семь томовъ исторіи Россіи, можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е. о всемъ написанномъ. Въ исторіи Россіи авторъ не замѣтилъ одного русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было такъ и требовать, какъ въ наше время; къ тому же Карамзинъ назвалъ свою исторію исторіею государства россійскаго. Исторія Россіи, предметъ настоящаго нашего разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже исторіею россійскаго госу-

дарства, не болѣе: земли, народа читатель не найдетъ въ ней. Съ другой стороны, такъ-какъ рядомъ съ государствомъ существуетъ земля, то сама исторія государства, какъ государства, не можетъ быть удовлетворительна, какъ скоро она не замѣчаетъ земли, народа». Приговоръ этотъ надъ исторіей Соловьева замѣчателенъ тѣмъ, что возбудилъ впослѣдствіи много толковъ. Одни стали находить, что въ исторіи Соловьева упущенъ народъ, осталось одно государство; другіе стали защищать почтеннаго историка и увѣрять, что инаго способа писать исторію и нельзя придумать! По нашему крайнему разумѣнію, было бы несправедливо сказать съ Аксаковымъ, что Соловьевъ вóвсе не замѣтилъ русскаго народа. Нѣтъ, онъ вездѣ его замѣчаетъ, онъ вездѣ хочетъ прослѣдить его бытъ и жизнь. Но г. Соловьевъ во всей исторіи своей стоитъ на государственной точкѣ зрѣнія, и народная жизнь является у него не главнымъ предметомъ, а какъ-бы дополненіемъ къ государственной. Очевидно, тамъ, гдѣ въ самой сущности народная жизнь расходится съ государственною, изъ такого взгляда прольется на многое иной свѣтъ, чѣмъ тогда, когда стать на точку зрѣнія обратную. Но государственная точка также нужна для науки, какъ и народная, которой справедливо добиваются Аксаковъ и другіе. Наука развивается. Каждый дѣятель долженъ вносить въ нее то, что̀ можетъ, сообразно своему времени и положенію.

Труды Аксакова останутся навсегда знаменательными для науки русской исторіи. Онъ опровергъ теорію родоваго быта, на которой хотѣли построить русскую исторію, онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое, которое прежде наукою оставлено было въ тѣни; онъ возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ поискать своихъ, народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи; наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи—идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались и безъ

котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сферѣ русской исторіи, ибо никакія событія не понятны, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовавшагося у того народа, который творилъ эти событія и учавствовалъ въ нихъ. При всѣхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ русской исторіи, ему мѣшалъ тотъ идеализмъ, который составляетъ черту послѣдователей школы, къ которой онъ принадлежалъ. Сознавая, какимъ явленіе долженствовало быть, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе не было на самомъ дѣлѣ такимъ. Это-то и повлекло Аксакова къ заключеніямъ, подобнымъ сужденіямъ о земскихъ соборахъ, о правѣ кормленія и проч. Не трудно явленія произвольно возводить къ идеямъ, но труднѣе, за то полезнѣе для науки отыскивать и указать, какъ на самомъ дѣлѣ выражались явленія, и какой смыслъ онѣ имѣли въ дѣйствительной жизни, а не въ отвлеченіи. Не менѣе мѣшалъ Аксакову, какъ и вообще славянофиламъ, московскій патріотизмъ, насильственное освѣтлѣніе періода московскаго государства, вызванное противнымъ легкодумнымъ порицаніемъ всего, что составляло сущность этого періода. Примѣръ подобнаго мы видимъ въ томъ же разборѣ VII тома Соловьева, о которомъ сейчасъ была рѣчь. Аксаковъ приводитъ слова Русскихъ Шведамъ, что Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать и проч. Аксаковъ видитъ въ этомъ русское воззрѣніе, находитъ, что здѣсь показывается сознаніе полной свободы сношеній торговыхъ и всякихъ. Но Аксакову, какъ знатоку русской старины, безъ сомнѣнія было извѣстно, съ какимъ трудомъ въ XVII вѣкѣ можно было торговымъ людямъ ѣздить за границу, а установленіе чрезвычайно сложныхъ таможенныхъ сборовъ не говоритъ много въ пользу свободы торговыхъ и всякихъ сношеній. Также не вѣрно сказано Аксаковымъ, что за Россіею признанъ ея взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать свою вѣру. «Просвѣтитель« Іосифа Волоцкаго говоритъ совсѣмъ другое, а казни надъ еретиками и вольнодумцами указываютъ, что написанное въ «Просвѣтителѣ» не относится исключительно къ личности Іосифа. Укажемъ на запрещеніе католикамъ строить церкви,

вспомнимъ недопущеніе жидовъ въ государство. Все это не черты вѣротерпимости. Для историка не должно существовать въ прошедшемъ *хорошо* или *худо*, по современнымъ понятіямъ. Ничто такъ не вредитъ уразумѣнію исторической истины, какъ то, когда историкъ, изслѣдуя или описывая прошедшее, увлекается сочувствіемъ къ тому, что̀ происходитъ вокругъ него, или съ намѣреніемъ думаетъ, что прошедшее наведетъ читателя на что-нибудь современное. Объективность взгляда—первое условіе къ достиженію исторической истины. Историкъ не долженъ быть преднамѣреннымъ указателемъ современныхъ общественныхъ вопросовъ. Одна истина, безотносительная, неподкупная никакими побужденіями, отыскиваемая безъ всякой другой цѣли, кромѣ ея созерцанія, должна занимать его, и если ему скажутъ то, что̀ говоритъ чернь поэту въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина: «*давай намъ смѣлые уроки, а мы послушаемъ тебя*», онъ не долженъ внимать этому соблазнительному голосу. Чѣмъ менѣе онъ будетъ желать своими трудами принести пользу современному обществу, тѣмъ болѣе ручательства, что онъ принесетъ ее. Истина всегда принесетъ свою пользу: напротивъ ложь, изъ какого бы добраго побужденія, по видимому, она не истекала, ничего не можетъ принести, кромѣ вреда, и для человѣческаго знанія, и для жизни.

244

TA-C9

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
38
.7
A38K67
1861

Kostomarov, Nikolai Ivanovich
O znachenii kriticheskikh
trudov Konstantina Aksakova
po russkoi istorii